

Музейный экспонат

— Прошу обратить внимание! — поднял вверх руку Никитин. — Над вашей головой не просто железобетон! Там еще и песчаная подушка двухметровой толщины, потом асфальтобетон, чуть менее метра толщиной. И снова железобетон! Три метра и более! А уж поверх него шестиметровый слой земли. Подушка что надо! Никаким снарядам не пробить!

— И зачем все это нужно сейчас? — пожал плечами один из визитеров — толстый неопрятный дядька лет пятидесяти. В подземелье он заметно приободрился, душливая жара здесь совсем не ощущалась. Вот он и ожил, вопросы стал задавать...

— Прошу учесть, что вы все сейчас находитесь на действующей артиллерийской батарее! — назидательно ответил капитан. — Так что любые меры безопасности оправданы уже самим назначением данного объекта.

— Так не стреляют более по берегу из пушек... — не унимался толстый. — Давно уже весь мир на ракеты перешел! Это же прогрессивно, да и эффективнее намного. Сколько весит ваш снаряд?

— Около пятисот килограммов.

— Вот! А ракета почти полторы тонны, даже и больше есть!

— Хм! — усмехнулся Никитин. — Пусть так! И сколько взрывчатки в этой вашей ракете? Около двухсот кило? Так сюда во время войны и по более бомбы падали. И ничего сделать не смогли.

— Ну вы и сравнили! — не унимался надоедливый визитер. — Это когда было-то? Сейчас за триста километров в форточку попасть можно! Вот!

Капитан огляделся.

— Что-то я тут форточки не вижу... Куда ракета залетать-то будет? Да и потом... Сколько стоит одна ракета?

Надо было долбить болтуна самым веским для него аргументом — деньгами. И эффект оказался разительным!

— Ну... — смутился толстяк. — Много она стоит...

— А наши снаряды изготовлены еще в СССР! Соответственно, и цена у них... сами понимаете! И обслуживать их не надобно! Стало быть — и платить за это уже не нужно!

«Господи, какую чужь я сейчас несу? — подумал Никитин. — Перед кем выпендриваюсь? Очередной "важный" гость, зачем-то очень нужный мэру города. Надобно его чем-то развлечь и потрясти — вот и отправили всю эту шоблу сюда. Как же! Единственная в мире действующая башенная артиллерийская батарея! Нигде и ни у кого такой больше нет! Уникальный объект! Только этим гаврикам все по барабану... Вот если бы им тут кучка девок канкан сплясала — оживились бы ненадолго».

Но, как ни странно, последний аргумент гостей удовлетворил. Они, что-то посчитав в уме, с уважением глянули на командира батареи — оценили! И дальнейшая экскурсия по подземельям протекала уже в привычном русле, без каверзных вопросов и ехидных подколов. Сфотографировавшись около башен, пожав на прощание руку капитану, высокие гости спешно забралась в кондиционированное нутро своих «мерседесов» и благополучно отбыли восвояси.

Проводив их взглядом, Никитин сплюнул на песок и повернулся к своему кабинету. Кабинет, если таким словом можно называть единственную крохотную комнату в маленькой пристройке около входа на батарею, несмотря на свои размеры, был уютным и аккуратным.

Повесив фуражку на крючок, он сел за стол и развернул ноутбук. Сегодняшний визит удался, так что есть возможность напомнить командованию о своем существовании. Доклад все равно необходимо подавать, как никак за гостей просило управление по работе с личным составом, а стало быть, отчет требовался подробный.

Трудно сказать, сколько человек теперь поставят галочку в очередном отчете, но ведь и батарея может с этого поиметь кое-какие блага! Два электродвигателя требовали срочной замены, той же краски, как всегда, не хватало... Да и много еще чего требовалось в столь обширном хозяйстве. Хоть и не любил капитан такие визиты, но польза от них порою была весьма немалой! Обычным путем что-то вытрясти из прижимистых тыловиков, как правило, не удавалось, но когда в дело включалось управление по работе с личным составом или (что намного лучше) кадровики, у королей складских запасов внезапно прорезалась память (не сказать, что совесть...) и они начинали вычислять сроки присвоения очередного звания. Вздохнув, они подписывали накладные и обрадованный прапорщик Сокольников тащил в свои закрома очередную добычу. «Закрома»... если бы!

Помнил этот склад когда-то лучшие времена, а уж теперь... туда постеснялась бы зайти и церковная мышь!

А ведь знавала когда-то батарея и лучшие времена! Всей страной строили и восстанавливали после войны. За честь считалось попасть сюда служить! Боевой счет выглядел очень солидно, вызывая невольное уважение даже и сейчас.

А ныне?

Полтора десятка бойцов — вот и весь гарнизон! Раньше-то тут без малого батальон стоял! Ну, с частями пехотного прикрытия, разумеется... А сейчас — чуть менее двух десятков человек, это если вместе с офицерами

считать. И будь любезен обеспечить охрану объекта, текущий и планово-предупредительный ремонт, а также поддерживать батарею в условно-боевом состоянии.

Условно — это потому, что весь, некогда солидный, боезапас был давно вывезен отсюда на склады. В объемистых артпогребах остались лишь учебные муляжи полузарядов и учебные же болванки. И на проводившихся времени от времени тренировках, солдаты кидали на лотки бесполезные муляжи.

Гудел подъемник, подавая вверх учебные заряды. Шипел досылатель, загружая в казенную часть пушки болванки и картузы с условным порохом. «Выстрел!»

И вхолостую щелкает ударник запальной трубки. Сами же трубки, так сказать, во избежание, давно уже убраны в личный оружейный шкаф капитана. Мало ли... а вдруг бабахнет и учебный полузаряд? Да там только одного пороха — несколько десятков килограммов!

Последний раз боевым зарядом пушки (точнее, одна из них) стреляли и вовсе в незапамятные времена. И то, во время киносъемки. Пробивной режиссер, имевший на самом вершине мощных покровителей, организовал тогда это мероприятие, сумев убедить самое высокое руководство в его необходимости... И в близлежащих поселках пришлось повсеместно вставлять стекла. За счет министерства обороны, разумеется. Представляя себе масштаб возможных в настоящее время финансовых потерь, финуправление флота в ужасе трижды крестилось. И поэтому ни грамма пороха, ни одного снаряда — вообще ни к чему на батарее не имелось уже лет пятнадцать. И даже к оставшимся зениткам не было не то что боезапаса — замки снимали перестраховщики! Хоть на склады не вывезли — и то хлеб...

Лампочек нет! Дефицитные в настоящее время обычные электролампочки на 127 вольт давным-давно испарились из продажи. И только у прижимистых складских гномов удавалось (да и то по большому благу) выцыганить десяток-другой. Где они сами их брали — так и оставалось их вечной тайной. Но — брали где-то. Как и не производящиеся в настоящее время электродвигатели и топливные насосы для старой дизельной электростанции. А что поделать, если оные движки сняты с производства еще сорок лет назад? И дизели такой марки сейчас можно увидеть лишь в музее? Имелась у капитана грешная мысль тихо такой вот экспонат спереть, подсунув вместо него какую-нибудь, относительно современную, рухлядь. Экскурсантам все едино по барабану, они такой подмены и не заметят вовсе. А тут — источник запчастей!

Никитин даже и музей такой присмотрел — обычный краеведческий. Неведомо какими путями туда занесло подобный дизель. Здание даже постоянной охраны не имело! Да что там охраны — сигнализации, и той не было. Одинокая красная лампочка над крыльцом — и все дела.

И только совесть офицера, не желавшего превращаться в обычного воришку, удерживала его от подобного деяния. Хотя Сокольников и делал некие намеки на свои знакомства с определенной частью местного

населения... не слишком законопослушного, но весьма падкого на халявную выпивку...

Ибо спирт на батарее водился — и в приличных количествах! Прапорщик костями лег, но директиву тысяча бородатого года «О проведении еженедельных регламентных работ на дальномерном оборудовании» заставил тыловики вызубрить наизусть! А по данному документу, два восьмиметровых дальномера (находившихся ныне в полузаброшенном командном пункте) требовали для этой цели не менее литра чистейшего спирта еженедельно! А ведь на объекте присутствовала и иная оптика... Плюнув, тыловики предпочли откупиться малой кровью, все равно ведь *весь* спирт они единолично выпить не смогли бы и при самом благоприятном стечении обстоятельств. «Да подавитесь вы своим ведром!» — примерно так можно было истолковать их резолюцию на очередном ...дцатом по счету рапорте капитана.

И эта вечная валюта сильно выручала. Точились токарями на морзаводе нужные части, перематывались сгоревшие электромоторы и трансформаторы, откуда-то появлялись водопроводные трубы и столбы ограждения. Хитер русский человек! Особенно, когда его ставят в безвыходное положение. Ну, это оно для какого-нибудь «цивилизованного европейца» безвыходное, а уж для нашего-то прапорщика... так, на один зуб!

— Петрович! — в дверях нарисовался силуэт Сокольников. — Ты там как? Спровадил визитеров?

— Свалили... — отмахнулся капитан. — У меня и без них забот хватает!

— А я тебе новые притащил! — хохотнул неунывающий прапор.

— Вот вылезут тебе твои шуточки когда-нибудь! — пригрозил командир батарее. — Опять людей куда-то выделять надобно? Так у меня, к сожалению, не стройбат и не учебка — лишних солдат нет!

— Да нет... — не принял шутки гость. — Телефонграмма — всем командирам батарей прибыть на совещание в Особый отдел.

— Господи, а уж им-то от нас чего потребовалось? — искренне изумился Никитин. — Где мы — и где те особы?! Что уж у нас-то здесь секретного нашлось? Сам знаешь, когда что-то здесь выяснить надобно — так проще в интернете посмотреть, быстрее будет однозначно! Ну, ракетчики — это еще понимаю, но я-то там за каким рожном понадобился?

— А я знаю? — пожал плечами Сокольников. — Сказано — прибыть к шестнадцати ноль-ноль!

— Бред какой-то! — покачал головою капитан. — Ладно... с нас не будет. Заодно, если вся эта бодяга ненадолго, авось и зампотыла отловлю... есть у меня к нему вопросы!

Но с надеждою «отловить» подполковника пришлось распрощаться почти сразу. Судя по тому, что совещание проводилось не просто в кабинете, а в классе оперативного управления, помещении, которое было неплохо защищено от всех видов прослушки, на быстрое его окончание рассчитывать не приходилось. При входе всем предложили сдать дежурному офицеру

мобильные телефоны и прочую электронику. Таких мер предосторожности капитан не помнил уже давно!

Совещание проводил заместитель главного «молчи-молчи» подполковник Ларионов. И прислушиваясь к его, уже порядком охрипшему и уставшему голосу, Никитин сделал вывод о том, что они сегодня уже не первые посетители данного помещения. А были здесь почти все командиры береговых батарей, как ракетных, так и подвижных артиллерийских. Видел он эти жутковатые самоходки шестидюймового калибра — впечатлило!

— Буду краток, товарищи офицеры, — обвел он всех собравшихся внимательным взглядом. — В Средиземном море потоплен американский ракетный крейсер «Геттисберг».

Фигасе...

Капитан помнил фотографии этого сундукообразного корабля. Ни разу, между прочим, не прогулочная яхта!

— Потоплен? — переспросил кто-то из ракетчиков. — Не авария, не пожар?

— Нет, — мотнул головой особист. — Если, конечно, радиограмма «Обстрелян, веду бой» не является признаком нападения... можно, конечно, считать это и аварией.

В классе наступила тишина. Утопить современный ракетный крейсер? И сама по себе задача непростая, так ведь и последствия будут — к бабке не ходи! Ясен пень, что Штаты этого просто так не оставят. Ответка будет скорой и весьма суровой. Но у кого же это крыша съехала до такой степени?

— Мы не знаем, — предвосхищая общий вопрос, ответил Ларионов. — Никаких заявлений никто пока не делал, а американцы хранят молчание. Обстоятельства боя толком неизвестны. Знаем только одно — крейсер пошел на дно за семь минут.

Семь минут?

Современный ракетный крейсер?

Да, ну... сказки...

Впрочем, кто-кто, а подполковник на сказочника походил менее всего.

— В свете этих событий, товарищи, командование приняло меры к максимально возможному усилению бдительности. Мы не можем исключать никаких провокаций! Сами понимаете, не дети, небось — любой выстрел с берега по чужому кораблю...

Есть пресловутый «казус белли», то есть повод к войне.

Дураков тут не имелось, и лишние вопросы никто не задавал.

— Поэтому, товарищи офицеры, прошу вас — прямо здесь и сейчас, изложить свои соображения по усилению охраны ваших батарей. Если есть потребность в дополнительных силах и средствах — они будут вам выделены сегодня же. Любое проникновение посторонних на объекты — под любым видом и предлогом, запрещается категорически! Только по прямому приказу командования в каждом конкретном случае! Указанные меры безопасности введены по всем объектам армии и флота — впредь до особого

распоряжения! А сейчас — офицеры особого отдела готовы выслушать ваши соображения.

В дверях появилась группа особистов.

Никитину достался молодой старший лейтенант.

— Кононенко, Петр Вадимович — закреплен за вашим районом, товарищ капитан, — протянул руку в приветствии особист.

— За нашим? Ну, тогда, кроме узла связи, у вас ничего больше и не будет.

— Я тут человек новый, — смущенно улыбнулся собеседник. — Только вчера прибыл, даже дела принять не успел — и вот... А вы разве с узла связи, товарищ капитан? Связистов же не вызывали еще...

— Нет, я с башенной батареи, видели, небось, фото у входа? Так это мои пушки и есть...

— Вот как? Серьезное, должно быть, сооружение...

— В иные времена там целый батальон стоял, — усмехнулся Никитин.

— А сейчас?

— Восемнадцать человек, включая офицеров.

— Так все автоматизировано? — удивился Кононенко.

— Угу... — печально улыбнулся капитан. — Аппаратура еще с семидесятых годов стоит! Как новенькая!

Старший лейтенант озадаченно повертел в руках авторучку.

— Э-м-м... ну... У вас ведь есть какие-то потребности?

— Проще сказать — чего у меня нет!

— Но ведь вы слышали приказ! Один выстрел...

— И я до конца жизни буду работать стекольщиком — вставлять стекла по всей округе, — невесело пошутил Никитин. — Да не волнуйтесь вы так! На батарее из всего стреляющего — только табельное оружие солдат и офицеров. Снаряды давно сданы на склады, зенитные орудия приведены в нерабочее состояние — сняты замки... Не из чего стрелять!

— А охрана?

— Сами и караулим — один часовой днем и один ночью. Все ведь под землей, только входы и охраняем. Ну и в казарме дневальный сидит, как и положено. Со штюком — согласно уставу.

— Как так? — удивился особист. — У вас же там три пушки охрентельного калибра!

— Шесть. Это на фото одна башня, а вообще-то их две. И калибр, да, немаленький — 305 миллиметров!

— Обождите, товарищ капитан! — приподнялся с места собеседник. — Я генералу доложу!

— Да хоть маршалу, — пожал плечами командир батареи. — Если тут собрать только те рапорты, что я за последний год писал — стены можно будет оклеить в два слоя! Докладывайте, конечно, у вас служба такая...

Особист куда-то унесся, а Никитин вышел во двор и присел на лавочку. Жарко...

Однако же кто это отыскался в Средиземноморье такой безбашенный?

Переть буром на не самый слабый корабль крайне обидчивой страны? Да еще и в такое время? Это ж надо совсем головы не иметь! Американцы и так крайне болезненно воспринимали в последнее время любой щелчок по носу, а уж во всем, что касалось их флота — так и вовсе! За меньший фокус развязали войну с Вьетнамом! Правда, там они и сами не слишком красиво в этом инциденте выглядели... но официальный-то повод был преподнесен именно таким образом!

— Товарищ капитан! — на крыльце показался давешний особист. — Вот вы где! А я уж вас ищу, ищу... пойдёте скорее, вас генерал видеть хочет!

Генерал-особист? Да, что тут такое происходит, наконец?!

— Генерал-лейтенант Коробов вас ждет! — встал с места худощавый лейтенант. — Товарищи, вам придется немного обождать!

Сидевшие вдоль стен офицеры проводили Никитина удивленными взглядами. Что такое вдруг стряслось, если приехавший из самой Москвы генерал вдруг срочно затребовал к себе именно *этого* капитана?

Обычный кабинет, Т-образный стол для совещаний, во главе которого сейчас сидел хмурый дядька с погонами генерал-лейтенанта. Никитину никогда раньше не приходилось здесь бывать, в кабинет к главному «молчи-молчи» повода попадать как-то вот не случилось.

— Товарищ генерал-лейтенант, капитан Никитин по вашему... — вскинув руку к козырьку, начал командир батареи.

— Садитесь, капитан! — оборвал его столичный гость. — Это правда?

— Простите, товарищ генерал-лейтенант, что именно?

— То, что батарея находится в небоеспособном состоянии?

— В условно-боевом...

— Прекратите! — отмахнулся генерал. — Стрелять ваши пушки могут или нет?

— Могут.

— Так в чем тогда дело? — сурово взглянул на особиста столичный гость. — Что вы мне тогда тут голову морочите?!

— Простите, товарищ генерал-лейтенант, но это возможно лишь при наличии боезапаса, а его на батарее не имеется, — вступился за Кононенко капитан. Чем-то этот парень был ему симпатичен...

— А где он?

— Сдан на склад.

— Когда это?! Кто приказал?!

— Да уж лет пятнадцать как сдан, товарищ генерал-лейтенант... — развел руками Никитин. — Еще при хохлах... Тогда другой командир батареи был, тот давно в запасе уже.

— Ага... — остывая, пробормотал генерал. — Ну, раз так... и где этот боезапас сейчас?

— Там и лежит — на складе. Частью в Сухарной балке, частью еще где-то... нам не докладывали.

Столичный гость что-то записал в блокноте. Слегка повеселел.

— Ладно, этот вопрос мы решим... Что еще?

— В смысле, товарищ генерал-лейтенант?

— Ну, что там у вас еще полагается? Личный состав, оборудование... я не артиллерист, так что не стесняйтесь, излагайте все подробно.

Командир батареи поправил внезапно ставший тесным воротник форменной рубашки.

— Ну... стрелять мы, в принципе, можем, конечно... но...

— Что?!

— Гарнизон одной башни, товарищ генерал-лейтенант составляет... должен составлять более семидесяти человек. Это, при условии работы на электродействии. А в наличии всего восемнадцать человек, включая меня. Надорвемся! Из одной бы пушки пальнуть...

— То есть?

— Наш снаряд, товарищ генерал-лейтенант, весит около полутонны. А есть еще и пороховые заряды! И все это добро необходимо извлечь со стеллажей, скомплектовать, подготовить, загрузить в зарядники и поднять на высоту почти пятиэтажного дома! Мы, разумеется, можем это и без электричества сделать, но тогда нужны люди у подъемников, чтобы вращать механизмы подачи вручную.

— Так, — столичный гость вышел из-за начальственного стола и уселся напротив артиллериста. Положил на стол блокнот.

— Вы, капитан, когда что-то поясняете, будьте любезны мне это и нарисовать заодно, если попрошу, хорошо?

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант, нарисую.

На листе блокнота Никитин быстро изобразил башню и подбашенное отделение. Нарисовал и схему подачи снарядов.

— Ну, вот, так гораздо понятнее... — взгляделся в рисунок Коробов. — А электродействие почему не работает?

— Первая причина — нет в достаточном количестве электромоторов. На каждую башню их требуется по семнадцать штук, в наличии же всего одиннадцать на одной и четырнадцать на второй. Новых нам не отгружают уже третий год... Вторая причина — не вписываемся в лимит энергопотребления, слишком большая нагрузка на сеть. Нам столько не дают...

— Кто не дает?

— Город, кто ж еще? — пожал плечами капитан. — Лимит...

— Так! — побагровел генерал. — Ладно! Но у вас ведь, насколько мне не изменяет память, есть и своя электростанция? Дизель-генератор?

— Даже два, товарищ генерал-лейтенант! Выпуска аж одна тысяча пятьдесят третьего года! И с той поры у них был всего один капремонт! Двадцать лет назад. Часа три-четыре, они, разумеется, проработают, а вот дальше... я бы загадывать не стал.

— И вы хотите сказать, что запчастей на них тоже нет? — устало спросил столичный гость.

— На наших складах? Точно нет!

— А где есть? — ухватился за интонацию Коробов.

— Да рядом... в краеведческом музее, там такой же стоит — даже и работает по слухам!

Взгляд из-под генеральских бровей в сторону старшего лейтенанта — тот тотчас же кивнул. Так, похоже, что не придется Сокольникову спирт из закровов доставать! И совесть чиста, что тоже немаловажно!

— Вы мне вот что скажите, капитан... — постучал по столу авторучкой Коробов. — Ваши пушки ведь могут стрелять прямой наводкой, даже и без радиолокаторов, так?

— Разумеется. У нас свои дальномеры имеются. Даже и без центрального поста можем, в каждой башне есть свой прицел, но это, сами понимаете, существенно снижает точность ведения огня.

— И как быстро?

— Два выстрела в минуту — при условии работы электрооборудования.

— А пушек у вас шесть... — о чем-то задумался генерал. — Угу... Пробные стрельбы когда в последний раз проводились?

— Штатным снарядам, товарищ генерал-лейтенант? Я еще в детский сад, наверное, тогда ходил...

— Не понял?! — насторожился тот.

— Если в этом помещении, товарищ генерал-лейтенант, пальнуть... ну, скажем, из двустволки — даже из одного ствола, пусть и холостым зарядом, то стекла повывают на х... в общем, не будет их. Так, в патроне двенадцатого калибра всего два с половиной грамма пороха! А у меня в одном только полузаре — шестьдесят шесть килограммов! И таких полузаров — два на один выстрел. Это сколько же стекол нам вставлять придется? Ближайшая дача — так и вовсе в двух сотнях метров от башен расположена! Только из сорокапятимиллиметрового вкладного стволика — да и то, после долгих согласований...

Коробов только зубами скрипнул. Но промолчал, ничего на этот раз не сказав. Задумался, что-то подсчитывая в уме.

— Вот что, капитан... Прямо сейчас, никуда не отходя, составите список всех необходимых мероприятий, потребных для приведения батареи в полную боевую готовность. Старший лейтенант Кононенко вам поможет. После чего вы с ним отправляетесь на батарею. Все увольнения и отпуска личному составу — отменить! Приказом по гарнизону вы переводитесь на казарменное положение. Впредь до особого распоряжения! К вам прибудет капитан первого ранга Михайлов — он будет направлять и координировать все ваши дальнейшие действия. Вопросы?

— Никак нет, товарищ генерал-лейтенант! — встал из-за стола капитан.

— Вот и хорошо. Товарищ Кононенко временно прикрепляется к вашей батарее. Для решения вопросов, проходящих по линии Особого отдела. Можете быть свободны, товарищи офицеры!